

новая общественная форма успела сложиться, как исчезли допотопные гиганты и все римское, воскресшее из мертвых» писал Маркс о классицизме французской революции, отмечая что «... одним столетием раньше, на другой ступени развития, Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета».¹

Вопрос о значении для России французского классицизма времен революции — особая и очень сложная тема. Во всяком случае можно указать, что рядом со славянофильскими тенденциями, в годы непосредственно следующие за революцией, еще раз переосмыслиется классическое наследие, причем, надо думать, не без ее влияния. Под ее влиянием, а позже под влиянием греческой и испанской революции, привносится то значение в образы Брута, Катилины, Публиколы, которое звучит в последнем стихотворении Рылеева. и др.

Все эти вопросы — самостоятельные темы, как и тема о значении французской революции в идеологии радикального крыла декабристов. В данной статье автор ставил себе задачей только наметить расстановку классовых сил и охарактеризовать первые впечатления от революции и первые отклики на нее в русской литературе.

¹ Маркс и Энгельс. Сочинения, изд. ИМЭЛ, М.—Л., 1930, т. VIII, стр. 399.